

ДИАЛОГИКА И РЕЛИГИЯ

Диалогическая философия и связанный с ней диалогизм самых широких интеллектуальных кругов имеют ярко выраженный религиозный исток, хотя впоследствии развивались они как в религиозной (М. Бубер, Ф. Эбнер, К. Ясперс, Э. Левинас и др.), так и в атеистической и внетеистической традициях. Атеистическая традиция восходит прежде всего к философии Л.Фейербаха, – прежде всего к идее, что следует прекратить идеалистическое отчуждение человека в абстрактный образ Бога, свойственное традиционным религиям, и выстроить новую религию «Я и Ты», в которой каждый человек должен совершенствовать реальную жизнь конкретного другого человека и через это – собственное существование (делая лучше другого, становишься лучше сам). Эта традиция развивается прежде всего в марксизме как идея реального гуманизма, противопоставляемого религиозному и буржуазному, который трактуется как дегуманизация, скрытая за внешними атрибутами гуманизма посредством особого идеологического маркетинга. Однако, как показывает опыт интеллектуального развития постсоветских стран, марксистский диалогизм вне жесткого идеологического контроля быстро трансформируется в религиозную сторону (если концепции и не превращаются прямо в религиозно-философские, то, по крайней мере, становятся пластичными настолько, что это оставляет самые широкие возможности для взаимодействия с теологией, – ярчайший пример этого – отношения коммуникативизма Ю.Хабермаса и современной немецкой теологии; интересный пример также – трансформация взглядов Г.С.Батищева, которая в более широком смысле отражает общую переориентацию советского диалогизма на религиозную тематику). Это же, но в меньшей степени, свойственно и внетеистическому диалогизму в случае, когда он инспирирован идеологическим контролем (в плане мыслительного эксперимента можно было бы предположить, что проживи М.М.Бахтин дольше, то он мог бы в эпоху перестройки декларировать религиозно-философские рефлексии, что явно бы способствовало более религиозной настроенности академического диалогизма в постсоветских странах).

Наиболее вероятная причина того, что именно в религиозной философии вызревает современный диалогизм, – особый образ искренности общения, свойственный исповеди и откровению. В отличие от всех других типов коммуникации, которые фактически представляют собой особые разновидности игры (понимаемой как суть культуры, то есть в том значении, которое восходит к «*Homo ludens*» Й. Хейзинги, – в этом значении даже такой очень серьезный процесс как суд представляет собой особую игру, – ср. «принцип состязательности судопроизводства») общение с Богом в религии пытается постоянно выйти за пределы индивидуальных интересов и определяемых людьми правил, поскольку они также – проявление человеческих относительных интересов и (в основе своей греховных). В неко-

торых разновидностях коммуникации иногда проявляется та степень искренности (или, по крайней мере, стремление к ней), которая свойственна религиозному опыту (в дружбе, любви и родственных связях), однако эти проявления недолговечны и нередко оказываются в действительности фальшивыми. Нельзя сказать, что религиозный опыт лишен фальши и слишком долговечен, но, по крайней мере, в нем борьба с ложью и сиюминутностью считается необходимым компонентом.

Отдельно нужно сказать о религии в ее отношении к диалогике как особому типу логики, который учитывает разницу логических порядков участников диалога. В религиозной философии считается, что человеческий разум является ограниченным, а потому и всякая система нормативов, регулирующих мышление с его точки зрения оказывается недостаточной в сравнении с божественным Интеллектом, полагающим абсолютный порядок мышления и речи (и фактически определяющим место всякой относительной логики). В религиозной философии считается, что Бог посредством откровений (включая зафиксированные в виде Священных Писаний) открывает людям этот абсолютный Логос и помогает понять относительность их собственного порядка разума (Аврелий Августин показывает это таким примером: люди понимают, что одушевленное выше неодушевленного, но при этом никто не хотел бы иметь на обеденном столе не хлеб, а мыш). Такое представление выступает хорошей основой для диалогике, в рамках которой подразумевается, что, с одной стороны, каждый человек в диалоге вправе полагать собственный порядок мысли, однако совместными усилиями собеседники должны поддерживать также такую логику, которая бы превосходила индивидуальные интересы для взаимовыгодности контакта. Интересно, что атеистический и внетеистический диалогизм часто обосновывают возможность поддержания такого образа восприятия логики без ресурсов религии, но практически всякий такой проект заканчивается тем, что более сильный собеседник начинает диктовать собственный порядок мысли как общеобязательный, и оказывается крайне затратным доказать ему, что это в основе – деструктивная стратегия. Правда, это не останавливает поисков более стабильного и авторитетного варианта светской диалогике. Интересно, что умеренная религиозная точка зрения толерантна к таким поискам, поскольку предполагает, что в них проявляется тяга людей к абсолютному (предосудительна подмена стремления ложной декларацией обладания, – ровно также, как в случае, когда ложные образы мудрости подменяют философию, стремление к мудрости).

Значит ли это, что диалогика невозможна как внерелигиозный проект? Опыт показывает, что она вполне возможна, но при этом она будет иметь относительный характер и нуждаться в определенных институтах поддержания своей значимости (в этом смысле сфера регулирования порядка мысли мало отличается от различных систем регулирования деятельности, в том числе от права и морали, а также от тех формообразований культуры, которые фундируются ими, включая философию и науку).